

Op74
A13
A-404228

Е.Н. АБДРАХМАНОВА
Е.В. БУРЛУЦКАЯ

12+

РЕБЕНОК НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Женская прогимназія.

Е.Н. АБДРАХМАНОВА

Е.В. БУРЛУЦКАЯ

Op 87
A13

Op 84.9

63.3(2Рос-40ре)5-284.1

+ 84.03(2)5

+ Op 63.352

РЕБЕНОК НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ОРЕНБУРГЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.

A-404228

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург 2024

кр

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. РЕБЕНОК В ГОРОДЕ	47
1.1. Городское пространство детства	47
1.2. Печатная реклама товаров для детей	63
1.3. Организация детского общественного досуга	82
1.4. Физическое развитие детей как общественный долг	118
1.5. Ребенок на пороге учебного заведения	141
1.6. Оренбургские шалуны и хулиганы	184
1.7. Дети в сфере общественного призрения	203
ГЛАВА II. РЕБЕНОК В СЕМЬЕ	222
2.1. Младенец. Гигиена и питание	222
2.2. Детские болезни	247
2.3. Детская смертность. Традиции родительского горевания	271
2.4. Взрослые и дети. Практики внутрисемейного взаимодействия	304
2.5. Детские письма в системе родственных отношений	337
2.6. Семейное чтение	363
2.7. Домашнее пространство ребенка	391
2.8. Игрушки: критерии отбора и воспитательное значение	417
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	439
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	451
ПРИЛОЖЕНИЯ	472

Согласно Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года¹, приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности. Складывание этих традиционных ценностей происходило на протяжении многих веков в процессе реализации социокультурных практик семейного и внесемейного воспитания, различных этапов социализации подрастающего поколения.

Одни исторические эпохи отличались плавным течением названных процессов, другие демонстрировали примеры ломки устоявшегося уклада жизни, конфликта между традиционными и модернизированными взглядами на личностные качества, необходимые для успешной жизни в социуме. Особенно интересным в этом плане представляется период второй половины XIX – начала XX в. – время осуществления глубинных «Великих реформ» Александра II и последовавшей за этим реакции общества на столь глобальные трансформации. Такие переломные моменты особо ярко демонстрировали всю палитру подходов к воспитанию детей, в которых различные социальные группы видели продолжателей своего дела, преемников определенного мировоззрения.

Сегодня российское общество вновь столкнулось с серьезной проблемой неэффективности или малой эффективности имеющихся механизмов межпоколенной передачи системы ценностей, необходимой для устойчивой эволюции общества. Родители и дети зачастую находятся в двух разных «мирах», оперируют разными категориями мышления, ориентируются на разные идеалы. Такой конфликт поколений чреват не только усилением социальной напряженности, но и потерей целого пласта духовной культуры. Обращение к изучению проблемы детской повседневности в провинциальном городском социуме в пореформенный период (время расшатывания традиционных устоев, модернизации российского общества) позволяет обратиться к историческому опы-

ту сохранения основополагающих, базовых ценностей и одновременного формирования новых, наиболее востребованных личностных черт в системе детского воспитания в переломные эпохи.

Кроме того, анализ повседневной жизни детей в провинциальных городах поможет расширить общее представление об обыденном существовании социума за пределами столиц и центрального региона Российской империи в целом.

Территориальные рамки исследования охватывают столицу Оренбургской губернии – город Оренбург. Во второй половине XIX – начале XX в. это был достаточно крупный город, насчитывающий по переписи 1897 г. 472 425 человек. Дети в этом числе составляли примерно пятую часть – 21,11%, что позволяет рассматривать губернскую столицу как пространство, где детская городская провинциальная повседневность приобрела достаточно устойчивые и определяемые черты, поддающиеся изучению.

Хронологические рамки, в которых детская повседневность была подвергнута анализу, в основном затрагивают период 1880 – 1910-х гг. (до 1913 г.), поскольку к этому времени российское общество уже вполне ощутило на себе последствия реформаторской деятельности Александра II и постепенно начало адаптироваться к произошедшим изменениям. До начала 80-х гг. семья, семейные традиции, устои, правила все еще базировались на прежних принципах, что находило отражение и в существующем нормативно-правовом регулировании семейных отношений, и на страницах прессы, и в работах публицистов. Однако затем модернизационные процессы приобрели столь масштабный характер, что не реагировать на них уже не было никакой возможности.

Содержание реформ и их практические последствия входили, прежде всего, в неизбежное противоречие с имеющимся законодательством, создававшимся как закрепление социальных порядков, которые были характерны для предыдущего исторического этапа разви-

тия России. Как отмечал в своей работе В.М. Зубарев, «в ходе реализации реформ Александра II общество со всей очевидностью вошло в неустойчивое состояние переходности»², что потребовало изменения существующего гражданского законодательства. В мае 1882 г. Александр III «Высочайше повелеть соизволил: приступить к общему пересмотру действующих гражданских законов»³, что, в общем-то, и может считаться начальной точкой в исследовании семейной и, как части ее, детской повседневности на рубеже XIX – XX столетий.

Верхней временной рамкой исследования был принят мирный 1913 год, поскольку начало Первой мировой войны и последовавшие затем революционные события привели к существенным изменениям и мировоззрения, и семейного быта, и поведения взрослых и детей. Однако для более объективного взгляда на исследуемые события и явления авторы иногда выходят за пределы установленных хронологических границ, в результате чего максимально широкие хронологические рамки могут быть обозначены как вторая половина XIX – начало XX века.

Объектом исследования в рамках данной работы будет выступать детство в условиях провинциального российского города на рубеже XIX – XX вв., а предметом – повседневная жизнь детей Оренбурга в указанных хронологических рамках.

Историография проблемы

Предметом науки феномен детства стал только в конце XIX века. К нему, как к явлению социокультурному, стали обращаться представители различных наук — этнографии, социологии, психологии, теории воспитания, культурологии, фольклористики. Подобная полидисциплинарность сделала детство объектом исследований и в рамках истории повседневности, традиционно опирающейся на идею многофакторности влияющих на личность обстоятельств, событий, явлений, которые как раз и можно было выявить с помощью различных наук.

Обзор научных исторических исследований, посвященных истории детства рубежа XIX–XX вв., был пред-

принят в ряде публикаций последнего времени⁴. Однако эти историографические обзоры, как правило, представляли собой специализированные исследования, связанные с какими-либо конкретными тематическими или региональными аспектами изучения мира детей.

Как в рамках истории повседневности в целом, так и в истории детской повседневности ключевые базовые принципы организации научных исследований принадлежали западным ученым. Однако вплоть до 1960-х гг. и там история воспитательных и образовательных учреждений преобладала над историей детства, над исследованием конкретно-исторических социальных установок взрослых по отношению к детям.

М. Мид⁵ первой, в рамках так называемой «этнографии детства» описала процесс взросления у некоторых незападных народов. Именно ей, по мнению И.С. Кона, принадлежит идея выделения «закономерностей развития и воспитания детей в зависимости от этнографических и социальных особенностей образа жизни народов»⁶. Таким образом, детство стало восприниматься не как всеобщая и универсальная категория, а как некая «множественность детств». С именем этого автора было также «связано выдвижение целого ряда научных гипотез, например, о природе родительских чувств, соотношении материнских и отцовских ролей... психологических механизмах формирования половой идентичности ребенка и т.д.»⁷.

Ф. Арьеса⁸ практически все исследователи истории детства называют основоположником этого научного направления. Именно ему принадлежит мысль об относительно недавнем возникновении детства как специфической социально-психологической категории, особого социокультурного явления, эволюционирующего на протяжении последних нескольких столетий. С подачи Арьеса историко-культурный анализ детства сделал необходимым обращение исследователей не только к данным сухой статистики, но и к детальному изучению социального контекста этого детства. Как отмеча-

ет в своей работе М.К. Любарт, темы «детства, отношения к детям взрослых, жизни и смерти рассматриваются автором как самостоятельные проблемы исторической антропологии, как одни из значимых параметров коллективного сознания, составные части общей картины мира и жизненных ценностей человека»⁹.

К. Калверт в своей монографии¹⁰ на примерах «американского детства» осуществила анализ трансформации концепта детской повседневности, прежде всего ее вещной составляющей. Автор пишет о том, что «взрослые разрабатывали, производили, покупали предметы, используемые детьми, структурировали их время и пространство, определяли стадии развития и соответствующие каждой стадии образцы поведения»¹¹. Акцентирование автора на вещно-предметном мире детства позволяет раскрыть нормативную культуру детства, представления взрослых о детях. Причем, в отличие от Арьеса, Калверт провела гендерные различия между детством мальчиков и детством девочек.

Социология детства как особое направление изучения детского мира связана с именем Йенса Квортрупа¹², руководителя международного проекта Европейского центра социальной политики «Детство как социальный феномен». Как отмечает в своей статье И.С. Кон, в центре внимания этого проекта оказались такие вопросы, как место детей в социальной структуре, социография детства, формы деятельности детей, отношения между государством, родителями и детьми и т.п.¹³. Подобный подход породил отношение к детям как соучастникам социальных процессов, а не просто объектам воздействия со стороны взрослых.

В отечественной науке отдельные вопросы, связанные с историей детства в России, поднимались в трудах российских историков, педагогов и психологов. Как отметила в своей монографии А.А. Парамонова, ребенок в конце XIX в. выступил «символом объединенного и обновленного русского общества, преодолевшего сословные гра-

ницы»¹⁴. Общество нуждалось в создании новых, «более эффективных педагогических систем, которые должны были способствовать становлению нравственной и социально активной позиции человека, появлению людей, способных и стремящихся к модернизации страны»¹⁵. «Крах прежних культурных традиций», «потребность в создании новых механизмов регуляции бытия», активный поиск «новой социальной идентичности», а также потребность в решении острейших социальных проблем: детской беспризорности, детской преступности, детского алкоголизма и проституции, катастрофическая детская смертность – потребовали от педагогов, психологов, врачей и прочей просвещенной общественности заняться активным исследованием ребенка и детства¹⁶.

На рубеже XIX–XX вв. под влиянием работ Ж.-Ж. Руссо в европейской педагогике возникла концепция «свободного детства». «Детскому миру» стали уделять весьма пристальное внимание на всех уровнях социума (в семье, в образовательных учреждениях, в общественных объединениях), стремясь упорядочить не только процессы школьного и внешкольного обучения, но и свободное время ребенка. К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев, Н.И. Пирогов, П.Ф. Лесгафт, К.Н. Вентцель и другие рассматривали ребенка самостоятельной/свободной личностью, имеющей право на собственный выбор, в том числе в развитии. Гуманистическая педагогика отвергала авторитаризм в обучении и образовании. Ребенок, его мир, желания и потребности стали центром процесса обучения и образования.

Именно в этот период в психологии и педагогике возникло такое течение, как педология. Педология воспринимала ребенка целостно, фиксировала все возможные факторы, воздействующие на него, выделяла различные стадии детства. Рассуждая во введении к книге Э. Меймана, одного из основоположников педологии в Германии, об этом новом педагогическом течении, Г.С. Виноградов использовал термины «экспериментальная педагогика»,

«психологическая педагогика». Виноградов писал, что эта новая педагогика за отправную точку «принимает самого ребенка и его душевный мир»¹⁷.

На первый план в научном творчестве самого Виноградова выступали сюжеты, посвященные детскому фольклору, этнографии детства. «У народа были и есть известные представления, взгляды на жизнь, на воспитание и обучение появляющихся новых поколений, известные цели и задачи воспитания и обучения их, известные средства и пути воздействия на юные поколения и т.д. Совокупность и взаимозависимость их дают то, что следует назвать народной педагогикой»¹⁸, – писал Г.С. Виноградов.

Н.Е. Румянцев в своем труде утверждал, что фундаментом педагогического образования должно стать «изучение психофизической природы детей»¹⁹. Автор останавливался на причинах, мешавших развитию педологии в России, относя к ним, в первую очередь, «отсутствие достаточно подготовленных людей, которые могли бы себя посвятить исследованию детской природы»²⁰. Врачи в России были мало знакомы с психологией, педагоги не были знакомы ни с физиологией, ни с психологией. Идеалом Министерства народного просвещения был не «вдумчивый педагог, способный наблюдать детскую природу и самостоятельно ориентироваться в сложных вопросах педагогической практики, а чиновник, беспрекословно исполняющий министерские циркуляры...»²¹.

С нашей точки зрения, работы, опубликованные в начале XX в., можно, скорее, отнести к источникам по истории детства, содержащим богатый накопленный эмпирический материал, нежели к компонентам историографии, поэтому подробно на этом периоде создания научной базы для изучения российских детей и детства на рубеже XIX–XX вв. мы предпочтем не останавливаться. Анализ гуманистической модели семейного воспитания в педагогическом наследии российских исследователей рубежа XIX–XX вв. был предпринят в статье Л.А. Грицай²².

Советский период отечественной историографии можно охарактеризовать как время формирования нового образа ребенка. Детей воспринимали как идеальный материал для политпросвещения и идеологических манипуляций. При этом обращение к истории детства предшествующих эпох не входило в сферу научных интересов советских исследователей. Как отмечалось в одной из современных монографий, досоветское детство в советской историографии отражено «преимущественно в рамках истории школы и образования и носит политизированный характер»²³.

В историографическом обзоре 1991 г.²⁴, подводящем итоги исследований детства во всех европейских странах, глава, посвященная России, начиналась следующими словами: «В России не существует истории детства. И сами русские, и иностранцы, занимающиеся ее изучением, если и обращали внимание на детство как на предмет исследования, то лишь мимоходом»²⁵. И это было действительно так. Долгое время единственной книгой, в которой поднимался и анализировался огромный и сложный спектр вопросов, связанных с проблемами детства, была работа И.С. Кона²⁶. Как отмечала в своей статье М.В. Ромашова, «Проникновение в отечественную историческую науку идей Ф. Арьеса и новых подходов к изучению детства происходило, в отличие от западной историографии, в силу известных обстоятельств дозированно и не имело таких глобальных последствий. [...] По инерции большая часть исследований детства оставалась в рамках возрастной психологии, педагогики и вопросов охраны материнства и детства. Изменения произошли на рубеже 1990-х и 2000-х гг.»²⁷.

Ряд работ, касающихся детской повседневности, был тогда подготовлен этнографами, по сути, продолжателями вектора «народной педагогики», стоявшими в России у истоков такой дисциплины, как этнография (антропология) детства. Так, например, И.И. Шангина в своей книге²⁸ сосредоточила внимание на жизни детей рус-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.